

УДК 913

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА
ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОН
ТЕРРИТОРИИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В XIX—XX ВЕКАХ**

*А. В. Левченко**

Рассмотрены особенности формирования культурных ландшафтов периферийных территорий с преобладанием агроландшафтов. Современное состояние последних проанализировано с учетом историко-географических, социальных, экономических и политических факторов.

В силу своего исторического развития Калининградская область обладает уникальным набором составляющих элементов культурного ландшафта. Именно поэтому изучение генезиса и условий формирования культурного ландшафта выделенной территории является важным элементом при характеристике его составляющих единиц: системы расселения, иерархичности поселений, характера и вида землепользования, транспортной системы, хозяйственных связей и т. п. Известно, что главенствующую роль в формировании культурного ландшафта играет уровень социально-экономических отношений, изменение характера которых влечет за собой неизбежные изменения в содержании и виде окружающего ландшафта.

Исследования картографических материалов и историографии позволило выделить этапы эволюции культурного ландшафта, проанализировать ход исторического развития и оценить степень трансформированности его на различных временных этапах. В результате были выявлены следующие характерные виды трансформации элементов культурного ландшафта сельских периферийных районов: планировка и динамика численности населенных пунктов; рисунок и характер системы расселения, мелиоративные работы, степень хозяйственного освоения территории (раз-

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8

© Левченко А. В., 2016

личной направленности, степени, качества, характер землепользования); сохранность природного ландшафта, развитие промышленности; транспортная инфраструктура.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Калининградская область, периферия, агроландшафты

Социальные и экономические условия играют важную роль в процессе формирования культурного ландшафта, под влиянием которых антропогенные ландшафты могут испытывать значительные изменения. На разных этапах общественного развития степень влияния социальных, экономических и политических факторов различно, что наглядно проявляется в истории бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область), неоднократно испытывавшей изменения в своем социально-экономическом, политическом устройстве. Анализ исторических картографических материалов наряду с другими методами исследований позволяет проследить основные показатели любого культурного ландшафта, исторический ход и особенности его формирования.

Изучение формирования культурных ландшафтов, как известно, есть процесс эволюционный, исторический, таким образом, он относится к области исследования исторической географии. Как отмечал В. Яцунский, задачей исторической географии «должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса» [22]. Из четырех линий исследования, предложенных автором, нас интересует две: природный ландшафт данной эпохи, то есть историческая физическая география и население с точки зрения его национальной принадлежности, размещения и передвижения по территории.

Трактовка понятия «культурный ландшафт» как в отечественной, так и зарубежной географии на протяжении времени менялась [19]. Из всего многообразия определений, существующих в отечественной науке, на наш взгляд, к истории территории Калининградской области можно применить классическое определение Ю. Саушкина: «Культурным ландшафтом называется такой ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему труда человеческого общества так изменило соотношение и взаимодействие предметов и явлений природы, что ландшафт приобрел новые, качественно иные, особенности по сравнению с прежним, естественным, своим состоянием...» [21]. Интересно другое определение, согласно которому под культурным ландшафтом понимается культура этнического сообщества, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в ее целостности, это среда жизнедеятельности местного сообщества. В данном культурном ландшафте выделяются шесть компонентов: природный ландшафт, местное хозяйство, селения, местное сообщество, местное языковое сообщество, местная языковая система, включая топонимию [13].

В европейской географии, начиная с О. Шлютера, понятие культурного ландшафта также изменялось, исходя из представлений отдельных

ученых и различных областей науки, поэтому мы выбрали классическое определение из учебника: „Культурный ландшафт формируется длительным воздействием на изначальный природный ландшафт, группами людей или обществ при выполнении ими своих основных функций, в особенности путем хозяйственной и расселенческой деятельности... Культурный ландшафт в своих региональных разновидностях подвержен влиянию в первую очередь расселения (вид и распределение поселений), видом хозяйственной деятельности (сельскохозяйственное использование, добыча природных ископаемых, промышленности и ремесло) и рисунок транспортной сети» [25].

Определяющую роль в формировании культурного ландшафта играют социально-экономические отношения, и их смена влечет за собой неизбежные изменения в содержании и виде ландшафта. На особенности формирования культурного ландшафта влияет сложная совокупность факторов, из которых важны изначальные физико-географические условия. Дифференцированность физико-географических условий способствует концентрации населения в наиболее удачно расположенных поселениях. К числу самых важных физико-географических факторов относятся прежде всего особенности рельефа, гидрографии, климат и т. п. При исследовании условий образования культурного ландшафта в контексте природных факторов важное значение приобретает изучение форм поселений (застройка) и сельскохозяйственных угодий (землепользование) как единое целое.

Основным элементом расселения является населенный пункт — поселение. Некоторые принципы типологии сельских поселений были изложены в работах советских ученых Ляликова, Покшишевского, Сухова и других в 1940—1960-х гг. Выделялось шесть основных видов типологии: по величине, функциональный, генетический, планировочный, по расположению на местности и региональным типам, имевшим различные взаимосвязи [15]. В типологии внешних форм расселения рассматривают, во-первых, распространение таких форм, как дисперсное или роевое расселение, компактные населенные пункты. Во-вторых, равномерность или неравномерность заселения территории, формы образующихся сгущений населенных пунктов, явления агломерации поселений. При функциональной типологии учитывается занятие людей различными видами деятельности и разная роль населенных пунктов в территориальной организации производства.

Иерархические связи в системе расселения любой территории имеют четко выраженные центры различных уровней. Центры высшего уровня — это городские поселения в виде районных центров, городов областного подчинения. Как отмечал Н. Н. Баранский, «города — плюс дорожная сеть — это каркас, это остов, на котором всё остальное держится» [1, с. 15]. Элементами второго и третьего уровня в системе расселения выступают уже сельские населенные пункты: центры муниципалитетов, крупные многофункциональные поселения. Центры второго уровня выполняют для окружающей территории функции хозяйствен-

ные (сбор и первичная переработка сельскохозяйственной продукции), торговые (магазин), культурно-образовательные (начальная школа), социальные (медицинский пункт) и другие.

Одна из разновидностей культурного ландшафта — это агроландшафт, то есть трансформированный сельскохозяйственным производством природный ландшафт. Среди локальных морфологических элементов агроландшафта могут быть и несельскохозяйственные, например лесные, болотные, водные. Занимая в структуре агроландшафта подчиненное положение (не превышая 30—40% его площади), они обычно выступают в качестве экологического каркаса (экологической инфраструктуры), играют важную стабилизирующую роль в динамике сельскохозяйственных земель. Агроландшафты, будучи плодом творчества человека и природы, являются природно-антропогенным образованием. Их структура и функционирование, хотя и базируется на природных началах, целенаправленно трансформированы человеком. Современный агроландшафт — это не просто преобразованный природно-территориальный комплекс, а многокомпонентное образование со специфическим природно-хозяйственным генезисом, фитоценоотическим обликом, экологической ситуацией [20]. Взаимоотношения человека и окружающего его ландшафта в сельской местности, эволюционируя, прошли в своем развитии долгий путь. Степени воздействия системы расселения при своем формировании на экологическое равновесие природных факторов (тип ландшафта, лесистость, уровень грунтовых вод, состояние водоемов, рек и т. п.) изменяются в зависимости от комплексного антропогенного влияния на ландшафт в процессе формирования культурного ландшафта. Минимальное влияние оказывается на начальной фазе развития, когда основными типами хозяйствования является примитивное сошное земледелие, охота, бортничество и разведение скота на естественных пастбищах. Антропогенное влияние, как правило, возрастает с приходом поселенцев другой, более высокой культурой, которые стараются подчинить и окультурить больше территории. Часто, однако, могут наблюдаться процессы и противоположного направления в формировании агроландшафтов, когда новые характер землевладения и -пользования, способы хозяйствования приводят часто к негативным последствиям. Культурный ландшафт испытывает регресс, отдавая часть завоеванной человеком территории обратно природе.

Существует довольно ограниченное количество исследований, посвященных истории формирования культурного ландшафта на территории Калининградской области. Из такого рода работ можно назвать исследование по анализу системы расселения в польдерных районах [2], по истории послевоенного заселения области [16], планировочной структуре поселений, трансформации системы сельского расселения, территориальной организации [14]. В рамках совместного проекта БФУ им. И. Канта и БалтАГП «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)» появилась возможность более детального исследования изменений в культурном ланд-

шафте Восточной Пруссии (Калининградской области), используя картографический метод. В качестве опытного объекта изучения были выбраны периферийные районы, типичные по своему природно-ландшафтному, функциональному, хозяйственному и расселенческому характеру для территории Восточной Пруссии. Основной целью исследования стал анализ изменений в культурном ландшафте Калининградской области методом сравнительного анализа топографических карт в масштабе 1:25000 — современных и результатов геодезической съемки Пруссии, проведенной в 1830—1865 гг.¹ под руководством начальника Прусского генерального штаба Карла Мюффлинга (Karl Mueffling, 1775—1851). В общественном доступе карты появились начиная с 1868 г., цветные экземпляры которых находятся в настоящее время в архиве Фонда прусского культурного наследия в Берлине.

Исзуемая территория была выделена в границах Вислинского залива, долинами рек Преголя и Голубая, а также госграницей с Польшей. С геоморфологической точки зрения данная область включает в себя практически все типы ландшафтов, имеющиеся в Калининградской области: низинные (приледниково-озерные слабодренированные равнины), приподнятые (моренные равнины) и возвышенные (холмисто-моренные озерные равнины) [11]. Административно эта территория до 1945 г. включала в себя частично или полностью крайсы (районы) Хайлигенбайль, Прейсиш-Эйлау, Фридланд (с 1927 г. — Бартенштайн) и Гердаун. В Калининградской области это территория муниципальных образований Багратионовский район, городских округов Ладушкинский, Мамоновский, Правдинский, части Гурьевского и Гвардейского.

Согласно первым документальным источникам данная территория была заселена племенами пруссами в VI в. К началу XIII в. пруссы заняли более обширный ареал, распространившись далее на восток и юг, за границы своего изначального племенного ареала — Самбийского полуострова. Главными факторами расселения, исходя из геоморфологических условий, стали транспортная доступность (вдоль берегов рек) и вид хозяйственной деятельности — пойменные луга, суглинки и т. п. Расположенные южнее реки Прегель прусские земли Вармия и Натангия представляли собой достаточно плотно заселенную территорию перед приходом Немецкого ордена. Расселение избегало конечно-моренного ландшафта, концентрируясь на делювии и основных моренах, большинство поселения придерживалось берегов рек и ручьев. В нашем случае это территории по берегам рек Резвая (особенно в ее верхнем течении), Майская, Прохладная. Самые старые сельские насе-

¹ Данная съемка не была первой по времени, но первой в масштабе 1 : 25 000. Так еще в 1796—1802 гг. под руководством прусского министра Фридриха Шрёттера (1743—1815) была проведена съемка Восточной и Западной Пруссии. Результаты изданы в масштабе 1 : 150 000 под названием «Karte von Ost-Preussen nebst Preussisch Litthauen und West-Preussen nebst dem Netzdistrict. Aufgenommen von 1796 bis 1802».

ленные пункты этой части Калининградской области — Канпоситен (Kanpossiten), Моловитен (Molowiten), Гламслаукен (Glamslauken), Пергоссен (Pergossen)², Доберкартен-Боровое (Dobekarten), Штромбенен-Московское (Schrombehnen), Левиттен-Солдатское (Lewitten), Моддиен-Некрасово (Moddien) (некоторые из них упоминаются в документах 1275 и 1287 гг.). Другими важными прусскими «полями» были Тринтекайм (Trintekaym), Чехово (Udirwanguye), Владимирово (Tharau), Майское (Packerau) и Островное (Lierpenick). Прусское укрепление Бишау, вблизи поселка Невское, располагалось на стратегически важном месте — на мысе, при впадении реки Майская в Прохладную [36].

Восточные территории Натангии (совр. Правдинский городской округ) находились уже на самой границе лесных массивов Пустоши (практически необитаемой пограничной полосы с Литвой шириной в 70—100 км). Среди тогдашних лесов самым примечательным был лес Давер (Dawer = Dawgyn) западнее Гердауэна (Gerdauen), нынешнего пгт Железнодорожный, с одним единственным известным нам прусским поселением Карельское (Raydekaum). Остатки этого леса существуют и сегодня под названием Крестьянский³. Остальные прусские «поля» Мульникен (Mulnicken), Какейм (Kackaym), Пайсник-Холмогорье (Paibnick), Виксделен (Wixdelen) и Траузен-Липняки (Trausen) располагались узкой полосой между лесными массивами вдоль р. Омет — Железнодорожная — Стоговка к северу от Гердауэна. Самым восточным поселением пруссов в Пустоши был Зареченское (Sobrost) на ручье Белка (Wickerau) [38].

О точных планировочных формах прусских поселений середины XIII в. известно мало. Прусское общество было разделено на два сословия — крестьян и благородных. Последние, владея большими наделами земли, жили на отдельно стоящих хуторах. Прусские крестьяне же селились все вместе одной деревенской общиной, где земля принадлежала всем членам [35]. На картах начала XVII в. видно, что бывшие прусские деревни представляют собой, как правило, или одностороннюю рядную деревню, например Большое Исаково (Lauth), Надеждино (Twer-gaiten), Эйтинен (Eythienen), или площадную деревню. Размеры крестьянских владений в составе общины не были велики — от одного до двух хаменов (1 хамен = 11,81 га), иногда три. Располагались они непосредственно за дворами узкой полосой [36]. Численность всего населения Пруссии в середине XIII в. во всех 11 землях составляла, по подсчетам польского историка Х. Ловмянского, ок. 170 тыс. человек [33].

Завоевание прусских земель Немецким орденом, начавшееся в 1224 г., продолжалось более полувека. Датой окончательного покорения прус-

² Современное название поселения не упоминается, если оно более не существует.

³ В 1376 г. орден наделил вольного прусса Ганса Траупе 120 хуфенами в лесу Давер за его военные заслуги. Со временем в этом лене, кроме прусского «поля» Райдекайм, возникли Фриденберг и Розенберг, которые заселили немецкие колонисты.

сов считается 1283 г. Укрепленными пунктами в завоеванной местности выступали орденские крепости. На нашей изучаемой территории по времени основания первыми были замки Бальга (основан в 1242 г.) и Бранденбург (1265). После усмирения прусского населения немецкая колонизация от побережья Вислинского залива начиная с 1325 г. организовано и планомерно распространилась в последующее столетие по двум главным направлениям: на северо-восток по долине реки Преголя за Кёнигсберг и далее на Самбийский полуостров; на восток в Вармию и Натангию. К началу XV в. продвижение на восток, достигнув максимума, остановилось на линии Полесск (Лабиау) — Знаменск (Велау) — Дружба (Алленбург) — Крылово (Норденбург). За этой линией находилась Пустошь. До 1422 г. официально закрепленной договором и маркированной на местности границы между двумя постоянно воюющими странами не было и ее функции, при полной поддержке с обеих сторон, выполняла эта самая Пустошь.

Как правило, направление расселения как процесса определялось природными факторами: реками, водоразделами, опушками леса. Заселив определенный участок, колонисты «окультуривали» его за определенное время (несколько десятилетий, а иногда и дольше), а затем двигались дальше. Как правило, в центре этого участка образовывался центр — наиболее населенное или находившееся на самом выгодном транспортном пути поселение, которое впоследствии могло развиться до города или нет. Так, современный Багратионовск (Прейсиш-Эйлау) право на проведение ярмарки получил в 1514 г., а городские права — только в 1585 г.

Колонисты низших сословий селились в деревнях, которые основывались по инициативе отдельных энергичных представителей крестьянства — локаторами. От ордена они получали участок земли и осваивали его вместе с примкнувшими к ним другими поселенцами, количество которых, исходя из размеров общинных угодий, около 20 человек. Крестьяне в такой деревенской общине получали в пользование относительно большие участки земли в 2—4 хуфена (1 хуфен = 16,5 га). Формой использования земельных угодий было, как и во всех остальных случаях с поселениями немецких колонистов, трехполье: озимые, яровые и пар, которые ежегодно менялись между собой. Оставшаяся часть общинной земли была в совместном пользовании и обычно состояла из участка леса или луга.

Существующие основные типы ландшафта привели к формированию на территории Пруссии деревень немецких колонистов одного определенного типа. Такой тип поселения получил название «ангердорф». В центре деревни между двумя параллельными улицами располагалась деревенская площадь «ангер», на которой находилась церковь, кузница, трактир, позже школа. По внешним сторонам улицы стояли дворы. Сами дома совмещали в одной постройке жилую (обращенную в сторону улицы) и хозяйственную часть. Строились дома из дерева или в стиле фахверк (деревянный каркас с наполнением из глины) (рис. 1).

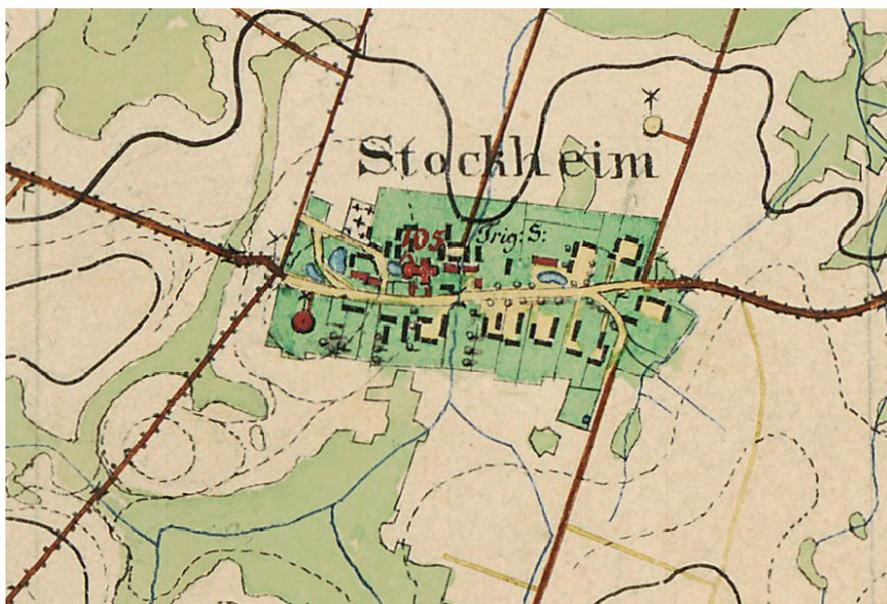

Рис. 1. План деревни Штокхайм (Зайцево)

Источник: Прусское геодезическое управление. 1864. Л. 340.

Другая форма сельских поселений, типичная для более позднего времени, — рассредоточенные «роевые» поселения. Изменения в планировке с течением времени были незначительны. У большинства деревень до начала сепарации в первой половине XIX в. основной рисунок оставался неизменным, за исключением тех деревень, которые стали впоследствии частью дворянских или других крупных поместий.

Как уже говорилось, регулярная колонизация региона по левому берегу Преголи — Натангии началась со второй четверти XIV в., где орден построил укрепления Фридланд (1312, городские права — 1335), Цинтен (1313), Кройцбург (1240, городские права — 1315), Гердауэн (1325, городские права — 1389), Прейсиш-Эйлау (1325), Домнау (городские права — 1400) и Алленбург (1272, городские права — 1400). Управлялся процесс колонизации с запада из центров амта Бальга и «лесного амта» Бранденбург [14]. Самые важные (и одновременно самые первые) поселения немецких колонизаторов возникали на месте бывших прусских «полей», например, деревня Тарау получает права в 1315 г. на 120 хуфенах. Большинство деревень XIV—XV вв. основывалось в междуречьях, на месте лесных вырубок. О темпах заселения в границах амта Бальга свидетельствуют данные о размерах наделов, с которых собирались налоги: 1396 г. — 3020; 1404 г. — 4575; 1410 г. — 4757; 1412 г. — 4800 хуфенов [39].

Одновременно с крестьянскими деревнями основывались и многочисленные поместья. Так, например, только на территории будущего

крайса Гердауэн между 1355 и 1400 гг. роздано 22 поместья кульмского права, что было очень важно для ордена, так как владельцы были обязаны нести военную службу. К числу первых дарований относятся поместья Корзелаукен в 50 хуфенов (1355), Фритценхоф (1364), Шетцельс (1365), Скандау (1364), Бавин (Никитино) (1395)⁴.

Историческую судьбу основанных поселений можно проследить на примере крестьянской деревни Штокхайм (Stockheim, сейчас — Зайцево). Впервые упоминается в грамоте от 21 декабря 1352 г., когда комтур Бранденбурга Эрвин Штокхайм передал ее во владение «верным людям — Герману и брату его Клауссену». В дальнейшем, начиная со 2-й половины XVI в., деревня неоднократно меняла своих владельцев. В 1567 г. герцог Альбрехт отдал Якобу Шверину в залог деревни Штокхайм, Абшванген (Чехово) и Фришинг сроком на три года за 7000 гульденов. После последующих залогов 1618 и 1663 гг. в 1760 г. ландрат Людвиг Острау приобрел поместье Пушкайтен (Puschkeiten) с деревнями Штокхайм и ее фольварками. Согласно документам в конце XVIII в. деревня Штокхайм насчитывала 27 дворов со 195 жителями [31].

До 1525 г. всю колонизационную политику осуществляло в основном орденское государство в лице маршала ордена и комтуров, в равной степени наделяя землей как дворян, так и простых крестьян. С середины XVI в. роль государства в лице герцога снизилась за счет увеличения активности дворянства. Например, в амтах Бальга и Бранденбург, с 1568 по 1626 г. дворянству было передано 758 хуфенов 13 моргенов герцогской земли, или 12,7 тыс. га, т. е. 7,6% из использовавшейся в то время под обработку земли [43]. Это привело к тому, что к середине XVIII в. произошло формирование дворянского землевладения как составной части культурного пространства Восточной Пруссии. Освоение новых территорий, их окультуривание происходило с помощью крестьян, которые попали к этому времени в полную от них зависимость. Многие ранее вольные и крестьяне вынуждены были переходить под дворянскую власть, часто через продажу своих земель, а нередко и посредством скрытых угроз и давления с резким ухудшением своего положения. Это стало также социальным фактором в изменении характера размещения расселения, когда крестьяне переселялись из своих деревень в усадьбу или фольварки помещика, которых насчитывалось несколько.

На примере крайса Гердауэн хорошо прослеживаются временные рамки колонизация территории. Если в западной его части — праворечье р. Лава, р. Стоговка время основания поместий и деревень — четвертая четверть XIV в., то восточная часть — междуречье рек Бородинка и Стоговка (бывшая Пустошь) — это следы колонизации конца XVII — нач. XVIII в. (табл. 1).

⁴ На тот момент орден не позволял дворянам и вольным людям превышать размеры поместья более 900 га.

Таблица 1

Время оснований поселений крайса Гердауэн [39]

Западная часть	Год основания
Schellenberg-Огарево	1355
Brolost-Чаадаево	1377
Arnsdorf-Смелое	1378
Friedenberg-Дворкино	1376
Keulenburg-Голубево	1379
Gr.-Sobrost-Зареченское	1388
Neuendorf-Новоселки	1398
Wickerau-Черкасовка	1433
Dörings-Державино	1437
Северо-восточная часть	
Schönefeld-Праслово	1442
Kl. Gnie-Мозырь	1567
Berschlack-Нарвское	1605
Abelischken (Ilmenhorst)-Белкино	1607
Kl. Potauern-Соловьево	1684
Hochlindenberг-Подлипово	1685
Schönwiese-Зимовское	1703

На четвертую четверть XVIII в. приходится всплеск основания в дворянских владениях значительного числа фольварков на новых территориях. Например, Абрахам Браксейн (1772—1798) в своих владениях вокруг Тарау заложил семь фольварков⁵ на осушенных и выкорчеванных землях. Кроме этого он ввел в севооборот картофель, разводил карпов и первым среди восточнопрусских помещиков освободил своих крепостных крестьян [42].

Окультуривание ландшафта на протяжении XIV—XVIII вв. происходило главным образом за счет вырубki лесов, повышения продуктивности и плодородия почвы, развития агрокультурных мероприятий и интенсификации хозяйства (переход с трехполья на девятиполье, введение в оборот новых культур). Со второй половины XVIII в. государство стало проводить масштабную осушительную мелиорацию заболоченных участков, пойм рек, проектирование заливных лугов, строительство защитных дамб. В дальнейшем обустроивались внутренние открытые мелиоративные каналы, выкорчевывался кустарник и т. д. Мелиорированные земли использовались как пастбища (более низинные места) или их распахивали (более приподнятые). Специализацией стало животноводческое направление сельского хозяйства.

⁵ 1764 г. — Браксейнсвальде-Отважное, 1765 г. — Луизенхоф, 1767 г. — Грёбенсбрух, 1772 г. — Грюнхоф-Кунцево, 1773 г. — Браксейнсхоф-Кандиево и Шарлоттенхоф-Бугрино, 1777 г. — Хассельдамм-Костюково.

Центрами сбыта продукции являлись несколько городов, со временем возникших вокруг укрепленных замков ордена. По своему типу это были небольшие по размеру города, которые в Германии принято называть *Ackerbürgerstadt*. Основным доходом большинства жителей была обработка наделов на городской земле, а не торговля, ремесло и т. п. В каждом таком городе со временем развилась пищевая и обрабатывающая промышленность: молокозаводы, пилорамы, паровые мельницы, кирпичные заводы, скотобойни и мясопереработка, регулярно происходили ярмарки-продажи скота.

По своим размерам города оставались довольно долгое время малочисленными (табл. 2).

Таблица 2

Динамика населения городов

Город	Население, чел.					
	1782	1816	1852	1900	1925	1939
Алленбург-Дружба	1 379	1 500	2 311	1 750	1 713	2 692
Домнау-Домново	1 002	1 200	1 727	1 921	1 986	2 988
Гердауэн-Железнодорожный	1 600	1 800	2 578	2 926	3 267	5 125
Кройцбург-Славское	1 018	1 700	1 967	1 848	1 639	2 005
Норденбург-Крылово	1 300	1 800	2 366	2 205	2 472	3 173
Прейсиш-Эйлау-Багратионовск	1 455	1 700	2 988	3 248	3 584	7 461
Фридланд-Правдинск	2 000	2 300	2 559	2 824	3 233	4 410
Хайлигенбайль-Мамоново	1 768	2 200	3 072	4 553	5 147	10 631
Цинтен-Корнево	1 500	1 700	2 584	3 585	3 549	5 801

Источник: [24; 30].

Многие города оказывались в руках влиятельных дворянских родов, оставаясь на долгое время в их собственности. Так, некий Георг Шлибен (1425—1476) в 1469 г. получил за долги во владение от ордена среди прочего города Прейсиш-Эйлау, Гердауэн, Норденбург вместе с многочисленными деревнями, лесами, мельницами, водоемами и т. п.⁶ А другой предводитель наемников Конрад Эглофштайн в 1411 г. получил от ордена в ленную зависимость замок и город Домнау.

Изменения в культурном ландшафте XIX в., связанные с радикальными трансформациями в самых различных сферах государственного устройства, прежде всего в системе землепользования, хорошо просле-

⁶ История владений рода Шлибенов закончилась в 1824 г., когда большинство земельной собственности было выставлено на торги и продано различным покупателям, часто совсем не дворянского сословия.

живаются на топографических картах Прусского геодезического ведомства (напомним, что съемка проводилась на протяжении 35 лет с 1830 по 1865 г. на территории всей Пруссии, и когда именно была снята та или иная территория, к сожалению, установить невозможно). Радикальное влияние на дальнейшее развитие территории оказала аграрная реформа 1807 г., проведенная в Пруссии и названная Сепарацией. Цель реформы — освобождение крестьян с выкупом земельных наделов у помещика. Как следствие, стали возникать самостоятельные крестьянские хозяйства, хотя и с преобладанием крупных землевладений помещиков и нового зарождающегося класса сельской буржуазии. К 1855 г. крупные землевладельцы составляли лишь 4% населения, но владели 47% всей земли, и такая тенденция сохранялась до конца XIX в. Выходя из общины и выплачивая денежные отступные, крестьянин получал весь земельный надел — пашню, пастбища, участок леса — в полную собственность. И если ранее деревенская община представлялась замкнутым поселением с земельными участками, тянувшимися узкой полосой за домами, то в данном случае крестьянин, получая надел где-то на стороне, часто строился на новом месте.

Процесс выделения крестьянских наделов из помещичьих земель проходил долго и болезненно. Помещики всячески затягивали и тормозили проведение Сепарации. Например, в обширных владениях Шлибенов первые крестьяне выделились в 1821 г. в деревне Мельхерсдорф. Деревню Мауэнфельде (Ключи) разделили на 20 крестьянских дворов в 1825 г., Веселовен (Пушкинское) и Адамсвальде с 16 дворами — в 1826 г., Фридрихсвальде с 9 хозяйствами — в 1827 г., Хедвигсфельде с 5 — в 1830 г. и т. п. [44].

Все эти социальные, экономические изменения привели к грандиозным переменам в материальном мире. Владельцы поместий вынуждены были, в свою очередь, строить многочисленные хозяйственные постройки: хлева, стойла и жилье для своих, теперь уже наемных работников. Крестьяне на новых отдельных личных участках земли возводили «с нуля» целый комплекс необходимых им дворовых построек. В экономическом плане они перестраивались с натурального хозяйства на рыночное конкурентоспособное. Это повлекло за собой рост вовлеченных в сельскохозяйственный оборот земель. Если в 1815 г. таких земель было только 20,5% от общей площади провинции, в 1849 г. — 44,3%, то в 1913 г. уже 54,9% [37]. Как следствие, изменились типы и формы поселений. Взамен деревень, имевших различный социальный статус, увеличивается численность разновидностей отдельных форм поселений — хуторов, отрубов, фольварков, а также и поместий. Многие крестьяне, прикупившие к своим участкам новые земельные наделы соседей, не выдержавших конкурентной борьбы, из разряда простых хуторян переходили на более высокий уровень владельцев усадеб.

Экономическая реформа на селе сказалась и на окружающем ландшафте — прежде всего, на состоянии лесов между земельными надела-

ми, особенно в старозаселенных районах. Ранее, когда всем лесом владела крестьянская община, все вопросы решались сообща, основываясь на регулировании со стороны государства. По указу от 14.09.1811 все частные владельцы леса освобождались от государственного надзора, что при единоличных собственниках привело к фатальным последствиям. Многие леса и рощи, бывшие ранее в собственности деревенских общин, исчезли⁷. Потеряв доступ в общественные (читай: государственные) леса и получив в собственность небольшой участок леса в 5—10 га, крестьянин стремился получить от него максимальную прибыль. Согласно сообщениям Кёнигсбергского округа уже в 1859 г., всего лишь несколько лет после завершения процесса Сепарации, в округе практически не осталось бывших общинных лесов. Они были сведены за редким исключением, да и только потому, что, по мнению Г. Мортензена, эти леса находились как раз на границе между общинами [35]. То же самое относилось и к поместьям, которые поменяли за это время многочисленных владельцев. В 1880—1900 гг. в Кёнигсбергском правительственном округе было вырублено свыше 17 тыс. га частных лесных массивов, а в Гумбинненском 10—12 тыс. га [43] (рис. 2).

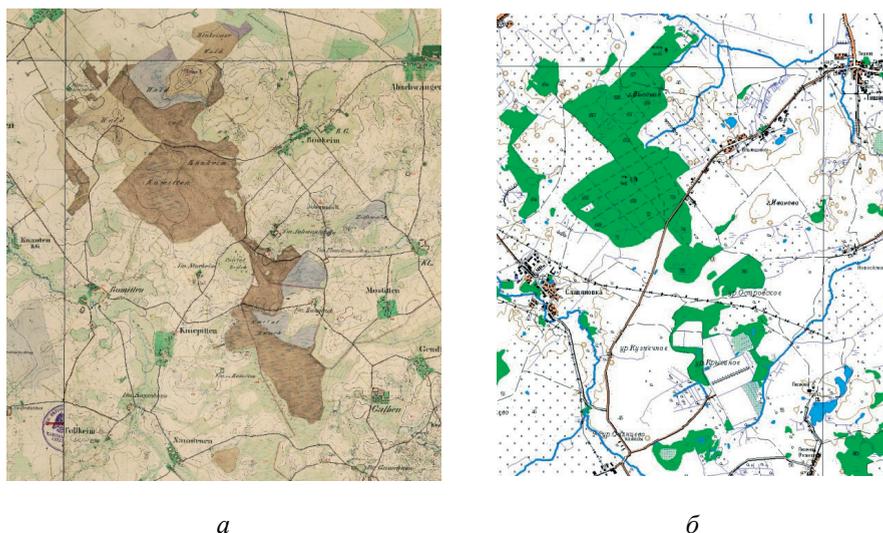

Рис. 2. Распространение леса Бёнкайм-Ромиттен в 1868 (а) и 2010 (б) гг.

Источник: Прусское геодезическое управление.

Площадь же негосударственных лесов в провинции в целом (общинных, частных, общественных) с 74 тыс. га в 1858 г. сократилась до 33 858 га в 1913 г., т.е. потеря составила 54,3% [34]. Сохранились только относительно большие по площади государственные леса, что привело к концу XIX в. к общему снижению степени лесистости Восточной Пруссии (рис. 3).

⁷ 1800 г. — 33%, 1830 г. — 25%, 1858 г. — 22%, 1878 г. — 18,2% [34].

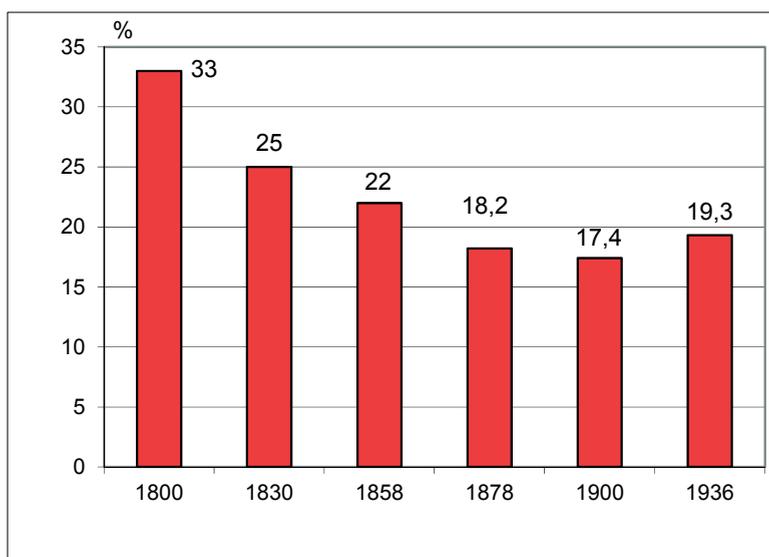

Рис. 3. Динамика лесистости в Восточной Пруссии

Источник: [34].

По подсчетам Р. Штайна, в 1805—1860 гг. в Восточной Пруссии площадь леса, находившегося в государственной собственности, уменьшилась на 160 тыс. га, в 1878 г. она составила 369 326 га (449,6 тыс. га в 1858 г.), а затем несколько стабилизировалась в 1893 г. на 368 598 га [42]. Сокращение произошло как за счет продажи его на корню в частные руки, так и вследствие колонизационных целей — под заселение на вырубку. Главным образом это коснулось, как всегда, лесных опушек больших государственных лесов. Например, северной стороны леса Озёрского (Forst Frisching), где были основаны новые многочисленные поселения в виде хуторов, такие как Ной-Линденау-Дачное, Ной-Оттенхаген, Линденхоф и др.

Ситуация не была одинакова по районам (табл. 3).

Таблица 3

Примеры сравнения лесистости по районам, 1936 г.

Район	Процент лесистости
Хайлигенбайль	11,6
Кёнигсберг-Ланд	9,8
Велау	28,6
Гумбиннен	8,9
Инстербург-Ланд	22,7

Источник: [41].

Переселение из замкнутого деревенского пространства на окраины окультуренного ландшафта вместе со значительным увеличением численности населения вызвало необходимость проведения мелиоративных мероприятий. До второй половины XIX в., как правило, всеми вопросами по мелиорации занималось исключительно государство. Однако по мере повышения экономической самостоятельности отдельных хозяйств государство попыталось отдать эту дорогостоящую прерогативу в руки общественных организаций, оформленных в виде корпораций и союзов, которые широко стали образовываться начиная с 1870—1880-х гг.⁸. По состоянию на 1888 г. в провинции в целом насчитывалось 94 товарищества на площади в 104 430 га, из них 68 осушительных обществ, 21 дренажное общество и 5 дамбовых союзов [29]. Особенно бурный рост их числа пришелся на 1890—1910-е гг., когда на уровне государства и провинции общественным организациям по мелиорации стали выделяться значительные средства. Одновременно создавались и муниципальные органы управления мелиорацией — так называемые районные управления по обустройству пастбищ (*Kreiswiesenbauamt*)⁹. Законодательной основой послужили прусские «Аграрные законы» 1843—1846 гг., принятые с целью улучшения и поддержания качества почвы, освоения новых территорий, ликвидация чересполосицы и т. п.

В конце XIX в. на фоне негативных социально-экономических процессов государство решило взять процессы расселения в свои руки. В Восточной Пруссии это было «Восточно-прусское земельное общество» (*Ostpreußische Landgesellschaft — OLG*) с 1905 г. и «Восточно-прусское общество по строительству и заселению» (*Ostpreußische Bau- und Siedlungsgesellschaft — Bausi*)¹⁰. Учитывая, что сельское хозяйство продолжало оставаться основой экономики провинции, в котором работало 57% населения, а преобладающее крупное землевладение испытывало определенные финансовые трудности, государство пошло по пути покупки обанкротившихся поместий и использования земель государственных доменов. Новые дворы поселенцев старались ранжировать в ряд, чтобы была возможность обустройства одной дороги, по которой поселенцы имели бы доступ к инфраструктуре поселка. Если подъездная дорога уже была, то новостройки размещали вдоль нее.

⁸ Первыми стали применять закрытый дренаж для улучшения почвы и увеличения урожайности именно крупные хозяйства. Впервые это произошло в 1852 г., когда приглашенный владельцем поместья Фуксберг (Холмогоровка) бельгийский инженер Леклерк (Leclerc) проложил первую в Восточной Пруссии систему закрытого дренажа [28]. Однако мероприятие это оказалось очень дорогостоящим — свыше тысячи талеров.

⁹ В крайсе Гердауэн такое управление было создано в 1908 г., которое управляло деятельностью 62 мелиоративных союзов площадью 36 316 га [23].

¹⁰ Кроме этого в начале XX в. в Восточной Пруссии работало около 50 организаций, занимавшихся вопросами заселения: «Восточнопрусское земельное общество по новому и местному заселению» (*Ostpreussische Landgesellschaft für Neu- und Anliegersiedlung*), «Немецкое земельное заселение для особых поручений» (*Deutsche Landsiedlung für Sonderaufgaben*), а также культурные отделы по местному расселению.

Картографические результаты не заставили себя ждать, так, например, на листе 339 топографической карты 1864 г. Гросс-Саусгартен (Березовка) — это обыкновенное поместье, тогда как уже в начале XX в. это линейная деревня, протянувшаяся на несколько километров как результат деятельности Восточно-прусского земельного общества по созданию новых 45 дворов [45] (рис. 4).

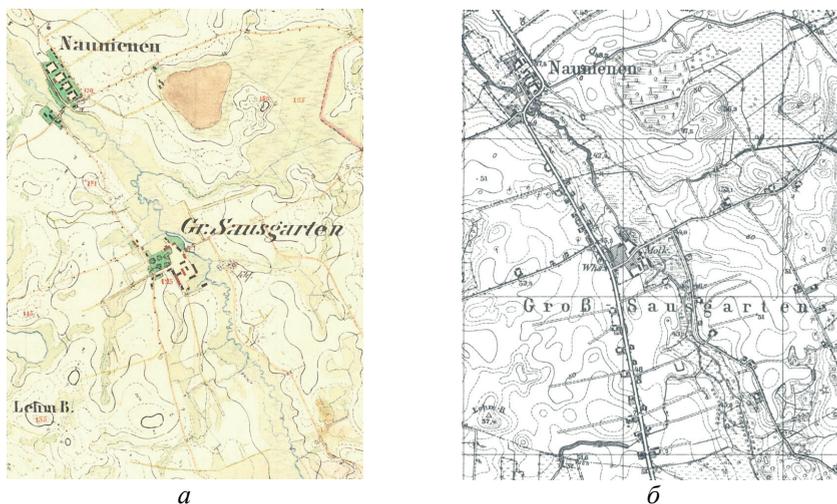

Рис. 4. План деревни Гросс-Саусгартен в 1864 г. (а) и 1913—1922 гг. (б)

Источник: Прусское геодезическое управление. Л. 339.

Деятельность и размеры проведенных мероприятий оказали значительное влияние как на культурный ландшафт, так и людность территории: на территории бывших поместий после нового заселения численность населения увеличивалась от 40 до 70%. В целом с 1919 по 1934 г. было образовано 12 900 новых заселенных мест с 157 тыс. га [40].

К началу Второй мировой войны количественный рост земель сельскохозяйственного использования был по области завершен, т. е. в сельскохозяйственный оборот были вовлечены почти все пригодные для этой цели земли. Дальнейший рост производительности сельского хозяйства должен был идти только за счет его большей интенсификации. Исследуемая территория продолжала оставаться периферией, с ярко выраженным сельскохозяйственным характером экономики. Так, например, в 1939 г. в крайсе Гердауэн в сельском хозяйстве было занято 56,1% всего населения. Доля используемых в сельском хозяйстве земель равнялась 76,9%. Средняя величина надела составляла 17,7 га (третье место в провинции) при общем количестве хозяйств 2 074. В структуре землепользования преобладала пашня (67,5%), на пастбища приходилось 21,9%, на луга — 9,2%. Механизация достигала высокого уровня, во многих хозяйствах имелся или электромотор либо двигатель внутреннего сгорания; широко применялись жатки, веялки, сноповязалки и т. п.

Уровень развития хозяйства периферийных районов с преобладающим сельским хозяйством показывает количество предприятий перерабатывающей промышленности. Картографический материал позволяет с точностью проследить размещение соответствующих объектов: мельниц, пилорам, молокозаводов и кирпичных заводов.

Начиная с середины XIX в. оформилась развитая транспортная инфраструктура, включавшая в себя железные и шоссейные дороги и оказавшая значительное влияние на систему расселения. Несмотря на то что первые почтовые тракты появились еще в XVI в., они представляли собой малоудобное средство сообщения, поэтому предпочтение отдавалось водным путям. Так, на листе №86 так называемой *карте Холманна* 1731 г. мы видим десять почтовых трактов, использовавшихся в то время. Самые известные — это путь из Данцига по Вислинской косе в Кёнигсберг и дальше через Кранц в Мемель (Клайпеду). Другими были, например, Тильзит — Поппелькен — Георгенбург — Инстербург, Инстербург — Даркемен — Ангербург, Кёнигсберг — Удерванген — Домнау, Кёнигсберг — Хайлигенбайль — Прейсиш-Холланд [27]. Строительство дорог имело первостепенное значение для государства при колонизации новых территорий, притока новых поселенцев, оживлении хозяйственной жизни, формировании центральных мест. В 1790 г. из Кёнигсберга расходилось семь больших почтовых линий (табл. 4) [32].

Таблица 4

Почтовые линии

Направление	Длина, миль
На Хайльсберг через Мюльхаузен, Прейсиш-Эйлау и Бартенштайн	...
На Мариенвердер через Бранденбург, Хайлигенбайль	24
На Пиллау через Видитген	7
На Растенбург через Мюльхаузен, Прейсиш-Эйлау, Бартенштайн	19,5
На Зольдау	27
На Торн и Варшаву через Мариенвердер	...
На Мемель через Хоенраде, Тапиау, Таплакен, Инстербург, Остветен, Тильзит, Шамейткен, Хайдекруг	34

Источник: [32].

Только в начале XIX в. по французскому образцу в Восточной Пруссии стали прокладываться шоссейные дороги. Первое шоссе Кёнигсберг — Эльбинг длиной 75,1 км было построено в 1818—1827 гг.

За ним последовали шоссе Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау (1822—1831 гг.)¹¹ и Кёнигсберг — Тильзит (1830—1831) через Таплакен (Талпаки). Отрезок от Таплакен через Гумбиннен (Гусев) до Эйдткунен (1835—1837). Тридцатикилометровое шоссе на Кранц строили 27 лет (1826—1853). Начиная с 1870-х гг. строительством дорог районного значения стали заниматься районы, что позволило к началу XX в. достичь высокого уровня транспортной обеспеченности. Так в крайсе Гердауэн по состоянию на 31 марта 1938 г. имелось 92,598 км дорог 2-го порядка, шириной дорожного полотна 4,5—5,5 м (80,381 км) или даже 5,5—6,5 м (12,217 км). Щебеночное покрытие имели 60,909 км дорог, (старо) бульжное — 26,609 км и сплошное брусчатое — 5,08 км [23]. Кроме этого, по территории крайса проходили государственные дороги № 131 (Кёнигсберг — Фридланд — Гердауэн — Норденбург) и № 141 (Велау — Гердауэн), № 139 Инстербург — Норденбург.

Еще в большей степени освоению территории, включению ее в хозяйственную деятельность, выходу на рынки способствовали железные дороги¹². Если первая так называемая Восточная железная дорога¹³ из Берлина в Кёнигсберг и далее в сторону российской границы имела стратегическое значение, то последующие дороги оказывали влияние на региональное развитие, соединяя отдаленные районы между собой и с крупными городами. Одни железные дороги связывали города между собой напрямую: Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау, Инстербург — Гердауэн; другие выполняли связующие функции в периферийной местности, включая в хозяйственную активность отдаленные поселения и предприятия: Фридланд — Гердауэн, Хайлигенбайль — Цинтен, Велау — Алленбург — Фридланд, Виттенберг — Тарау — Кройцбург, Гердауэн — Норденбург, Лёвенхаген — Домнау — Фридланд — Гердауэн¹⁴.

В конце XIX в. на законодательном уровне появилась возможность строить узкоколейные железные дороги (Закон об узкоколейных дорогах 1895 г.), чем не преминули воспользоваться для своих нужд районы, города и коммуны. Практически все узкоколейки провинции были проложены в период с 1898 по 1920 г. с пиком строительства в 1900 г. Собственником выступали акционерные общества, капитал выделялся государством, провинцией, заинтересованными коммунальными объединениями, реже частными лицами, а также подрядными строительными компаниями (как правило, это была фирма Lenz & Co.) [26].

¹¹ Ширина дороги составила 12,55 м, из которых 5 м — это бульжное покрытие, остальное так называемая щебеночная «летняя дорога».

¹² Подробнее о взаимосвязях железных дорог и ландшафтов см.: Романова Е. А., Виноградова О. Л., Кретинин Г. В. и др. Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтной среде Калининградской области // Балтийский регион. 2015. № 4(26). С. 181—193.

¹³ Введена в эксплуатацию на участке до Кёнигсберга 2 августа в 1853 г. и на участке до Эйдкунен на германско-российской границе 15 августа 1860 г.

¹⁴ Э. Шой в своей работе «Эконом-географическое страноведение Восточной Пруссии», анализируя причины возникновения кирпичных заводов, в качестве факторов размещения называл кроме наличия сырья близость водных транспортных путей [40].

Таким образом, при сравнении карт середины XIX в. и 1939 г. можно установить следующие изменения культурного ландшафта сельских периферийных районов:

- изменения планировки и величины населенных пунктов;
- повышенный уровень хозяйственного освоения территории: снижение лесной площади, развитие определенных отраслей промышленности, прежде всего пищевой, строительных материалов и т. д.;
- определенный характер землепользования (преобладание крупного землевладения);
- создание развитой транспортной инфраструктуры в виде железных дорог, автодорог различного порядка;
- регулирование рек и мелиорация земель.

Новый этап развития культурного ландшафта начался в 1945 г., когда по решению Потсдамской конференции северо-восточная часть Восточной Пруссии площадью 15,1 тыс. км² отошла к СССР. Целенаправленное заселение новообразованной Калининградской области началось с лета 1946 г., оставшееся немецкое население было депортировано к концу 1948 г. Одним из факторов восстановления и развития населенных пунктов было выгодное транспортное положение. Дорожная сеть сохранилась в размерах, которые отвечали хозяйственным нуждам коллективных хозяйств. Общая протяженность автодорог области по состоянию на 1948 г. составила 4484 км, из них: 2943 км асфальтированных и асфальтобетонных, 976 км щебеночного шоссе, 215 км брусчатых и булыжных мостовых и лишь 350 км гравийных и грунтовых дорог [5].

Сравнение с современными данными показывает удивительную стабильность дорожной сети. В 2015 г. она составила 4480,9 км всех пяти классов (табл. 5).

Таблица 5

**Протяженность автомобильных дорог
Багратионовского муниципального района и Правдинского района
III—V категорий по состоянию на 01.01.2014, км**

Район	Категории автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения			
	III	IV	V	Всего
Багратионовский	112,2	274,6	61,0	495,2
Правдинский	195,2	266,5	35,1	496,8
Калининградская область, всего	1206,1	2045,1	1049,9	4480,9

Источник: [46].

Несмотря на катастрофическое сокращение системы расселения с ее транспортными элементами (проселочные, подъездные, внутривоспользовательские и т. п. дороги), потеря компенсировалась новым строительством.

Другим важным фактором при заселении стала степень сохранности жилых и хозяйственных построек, возможность создания на их базе машинно-тракторных станций, молочно-товарных ферм, а также качество земель. В иных случаях, находясь вдали от основных транспортных путей, хорошо развитые и даже сохранившиеся после войны усадьбы комплексы и целые деревни прекратили свое существование. Значительная часть прежних деревень, хуторов оставались незаселенными, так как число переселенцев оказалось вдвое меньше прежнего немецкого населения.

Процесс заселения проходил с большими трудностями: не хватало пригодного для размещения жилья, организационные проблемы, разногласия между отдельными инстанциями, испытывался недостаток в материальном обеспечении переселенцев, техники, семенного материала и т. п. Понять, по какому принципу и почему именно в таком порядке заселялись населенные пункты, довольно трудно. Скорее всего, свое влияние оказывали факторы сохранности жилого и хозяйственного фонда (после двух лет существования подсобных хозяйств воинских частей и военных совхозов¹⁵), нерегулярность и малочисленность прибывающих эшелонов с переселенцами. Например, по состоянию на 1 августа 1947 г. на территории Железнодорожного района¹⁶ насчитывалось 49 населенных пунктов, из которых заселены были только девять: железнодорожный поселок Кляйн-Гни (994 и 132 чел.) и военный совхоз № 133 (1415 чел.): Ильмсдорф (55), Гросс-Гни (101), Альтендорф (5), Шенлинде (55), Норденбург (39), Астровишки (166), Беккелен (10), Мульджен (1), в которых проживало 1018 семей (в том числе и немцев) [6]. Похожая ситуация наблюдалась во всех остальных районах области¹⁷. Прием населенных пунктов сопротивлялись военные, которые с неохотой уходили из своих подсобных хозяйств¹⁸.

Организованное заселение закончилось к началу 1950-х гг. (табл. 5).

¹⁵ В 1948 г. Железнодорожному району выдали разнарядку на прием «410 семей, из которых 60 семей идут на организацию нового колхоза в населенный пункт Перевалово (Мульшен), где проживает 16 семей немцев, а остальные постройки этими же немцами растаскиваются и сжигаются; поселок частично занят временными рабочими Леспромхоза» [7].

¹⁶ Указ Президиума ВС РСФСР от 25 июля 1947 г. за № 614/7 «О выделении из состава Правдинского района нового Железнодорожного района».

¹⁷ Согласно проекту переименований Правдинского района от сентября 1947 г. в районе насчитывалось 88 населенных пунктов (частично заселенных) и было образовано 39 коллективных хозяйств [9].

¹⁸ См.: Ведомость жилых и производственных построек, с/х машин и инвентаря переданных Правдинскому районному исполкому подсобным хозяйством в/ч 2297 МГБ по состоянию на 15 ноября 1950 г. в пос. Ягодное [Kapsitten] [4].

Таблица 5

**Численность переселенцев в сельскую местность
в 1947—1955 гг., тыс. чел.**

Источник	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Областной переселенческий отдел	38,4	44,1	21,4	20,4	5,8	6,7	4,5	4,6	3,5
Областное статуправление	54,4	54,5	37,9	33,8	21,3	20,9	25,5	25,5	20,7

Источник: [16].

Новая власть сознательно не допускала расселения прибывших переселенцев на хуторах, даже если они и хорошо сохранились: «...для переселенцев 1949 г. отремонтировано 5069 домов-квартир при плане 5000. Таким образом, все прибывшие в 1949 г. семьи переселенцев были вселены в отремонтированные дома-квартиры, находящиеся в населенных пунктах, не допуская расселения их на хуторах» [3].

Старая мелиоративная дренажная система просто не могла быть восстановлена в прежнем состоянии. Другая культура и способы хозяйствования, образ жизни приводили к значительным недоразумениям при возрождении старых мелиоративных систем. Практически вся система закрытого и открытого дренажа с отводными каналами была, вольно или невольно, разрушена и/или заменена на новый дренаж. Причин тут несколько¹⁹. Во-первых, изменился характер землепользования: вместо раздробленного частного землевладения образовались крупные коллективные собственники, и мелиоративная система, таким образом, не отвечала потребностям и требованиям крупного социалистического хозяйства. Большое количество мелких тальвеговых и соединительных каналов и канав разрезало земельные угодья на участки площадью в 0,5 га, что не отвечало условиям колхозного способа хозяйствования.

В новых политических и социально-экономических условиях коллективного хозяйствования системе расселения не требовалось такое, как раньше, количество поселений, большую часть которых составляли мелкие и разрозненные пункты. С течением времени изменилась и структура агроландшафтов, часто в негативную сторону, когда окультуренные в агротехническом отношении угодья изменяли вид использования или деградировали²⁰. Кроме этого изменилась структура зем-

¹⁹ «...Существующие осушительные системы обладают рядом серьезных отрицательных сторон, являющихся следствием старых социально-экономических условий сельского хозяйства» [17].

²⁰ «...В ряде районов области (Правдинском, Калининградском, Железнодорожном, Краснознаменском, Черняховском и др.) по незнанию местных условий отдельными переселенцами были ошибочно распаханы искусственные луга (расположенные на плотных избыточно-увлажненных бесплодных крас-

лепользования. Мелкие участки, площадью от 5 до 20 га, не отвечали критериям планового социалистического хозяйствования. Распределение дорожной сети и мест переездов также не увязывалось с организацией крупных механизированных хозяйств.

В начальной фазе организации коллективные хозяйства были довольно небольшими: 4/5 имели в своем составе от 16 до 60 дворов, 2/3 располагали менее чем по 300 га посевов. В 1950 г. по решению ЦК ВКП(б) произошло укрупнение сельхозартелей: из 472 создали 151 артель. В 1964 г. число колхозов сократилось до 110, кроме этого имелось 67 совхозов. Большие по сравнению с довоенными размеры хозяйств (св. 1000 га) и уменьшение их абсолютного числа увеличили масштабы и концентрацию нагрузки на природную среду [12].

Площадь вовлеченных в оборот земель так и не смогла достичь довоенных размеров. Прирост сельскохозяйственных площадей происходил довольно медленно. К 1967 г. размеры земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, составили только 63,7% от довоенного, или 739,6 тыс. га против 1161,5 тыс. га. К 1980 г. они достигли своего максимума в 805 тыс. га, 723,4 тыс. га в 2005 г. [18].

В состав совхоза или колхоза входило несколько населенных пунктов. В центральной усадьбе располагалась контора совхоза или правление колхоза, где также находились другие социально-культурные учреждения (школа, клуб, библиотека, баня), в некоторых случаях сельский Совет. Более мелкие населенные пункты назывались бригадами или фермами, если на их окраине находилась животноводческая ферма.

Строительством домов на основе проектной документации, разработанной Облсельпроектом, занимался трест «Калининградсельстрой». Дома на селе начиная с конца 1950-х гг. строились нескольких типов из местных материалов (деревянные, из силикатного кирпича, каркасные). За планировку населенных пунктов формально отвечали отделы сельского и колхозного строительства при исполкомах районных Советов. В Положении от 9 марта 1949 г. указано, что «отдел сельского и колхозного строительства при исполкоме районного Совета депутатов трудящихся... составляет схемы планировки и застройки сельских населенных пунктов, следит за тем, чтобы застройка производилась по принятым схемам планировки, и руководит работами по благоустройству и озеленению населенных пунктов; ...обеспечивает колхозы типовыми проектами жилых домов, застройки усадеб...» [10]. В реальности же застройка населенных пунктов и хозяйственных центров колхозов и совхозов велась без необходимых районных и внутрихозяйственных планировок. Только с образованием в 1962 г. Облмежколхозстройобъединения стали разрабатываться схемы районных планировок. Одновременно был определен перечень населенных пунктов, перспектив-

ных глинах). Посеянные здесь на вывернутых на поверхность материнских породах зерновые в большинстве своем выпали целиком. Эти участки, по моему мнению, целесообразно из случайно образовавшейся "пашни" заново превратить в луговые угодия долголетнего пользования» [8].

ных для дальнейшего строительства, планировалась постепенная ликвидация мелких поселков и хуторов. Удобства новых домов в выбранных перспективных населенных пунктах должны были соответствовать городским, что, однако, не учитывало условий жизни на селе. Городского вида двухэтажные блочные дома не имели хозяйственных построек во дворе, а размеры приусадебных участков были минимальны.

В период проведения в 1960—1970 гг. политики централизации ликвидировались так называемые «неперспективные» населенные пункты; жилищное, культурно-бытовое и производственное строительство концентрировалось в «перспективных» поселениях, доля которых возрастала. Дело доходило до крайностей, когда, например, в 1963 г. Озёрское производственное колхозно-совхозное управление предлагало в перспективе ликвидировать или снести 156 сельских населенных пунктов района, оставив лишь 27 в качестве центральных усадеб и отделений/бригад. Озёрский райисполком, однако, не утвердил этот перечень, ограничившись лишь одобрением перечня перспективных населенных пунктов, в которых целесообразно вести новое жилищное строительство²¹. К середине 1970-х гг. были разработаны проекты планировки 95 из 107 центральных усадеб колхозов. При этом в Калининградской области имелось чуть менее 200 перспективных населенных пунктов. Общее число сельских поселений в области к началу 1980-х гг. не превышало 1,4 тыс. Плотность сельского населения в периферийных районах была не очень высокая.

В целом за советское время система расселения в области претерпела значительные изменения, в первую очередь, по основному показателю количества населенных пунктов, число которых уменьшилось в несколько раз (рис. 5).

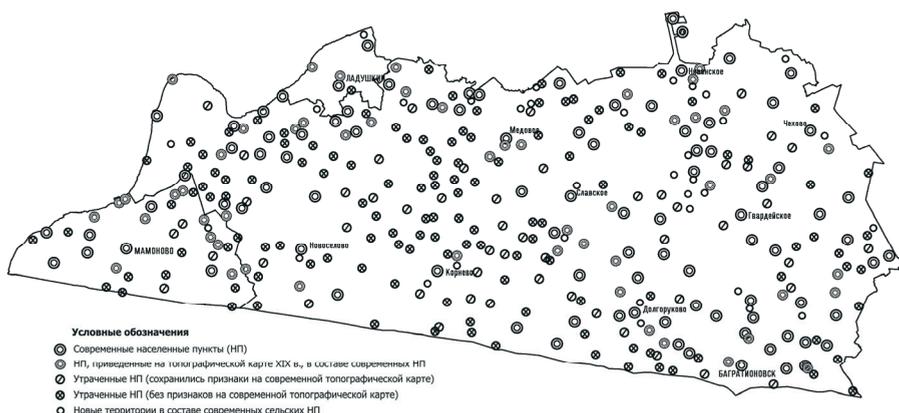

Рис. 5. Рисунок расселения (1939—2015 гг.)

²¹ Например, в совхозе «Лужки» планировалось довести количество жителей центральной усадьбы с 38 человек до 1500 за счет сноса и ликвидации 21 населенного пункта [17].

Таким образом, основными результатами хозяйственного развития культурного ландшафта после 1945 г. стало сжатие системы расселения с изменением функциональности населенных пунктов; сокращение площади и структуры обрабатываемых земель; перестройка мелиоративной системы; изменение структуры землепользования.

Список литературы

1. Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980.
2. Волинская Г. Я., Федоров Г. М. Система расселения в польдерных районах Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области проблемы и пути развития. Калининград, 1977. С. 86—93.
3. ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 133. Л. 11, 13.
4. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 262. Л. 23—34.
5. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1. Л. 178—180.
6. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Л. 30.
7. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 129. Л. 87.
8. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 1. Л. 199.
9. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 74. Л. 17—36.
10. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 266. Л. 67.
11. Географический атлас Калининградской области / гл. ред. В. В. Орлёнок. Калининград, 2002.
12. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.
13. Калуцков В. Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1995. № 5. С. 16—20.
14. Клименко Н. А., Левченков А. В. Территориальная организация Восточной Пруссии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. № 1. 2010. С. 119—125.
15. Ковалев С. А. Сельское расселение. М., 1963.
16. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.
17. Левченков А. В. Генезис и современное состояние территориальной организации сельского расселения Калининградской области // Вопросы географии. Сб. 135 : География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 302—322.
18. Левченков А. В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 77—86.
19. Ливинская О. А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 120—129.
20. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М., 1973.
21. Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. 1946. № 1. С. 97—106.
22. Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии // «Историк-марксист». 1941. № 5. С. 20—25.
23. Bachor O. Der Kreis Gerdauen. Würzburg, 1968.
24. Barran F. R. Städte-Atlas Ostpreußen, Leer 1988.
25. Diercke-Wörterbuch Allgemeine Geographie, Verlag Westermann, 1997.
26. Eisenbahn Kurier Special 52. Ostpreußen 1999.
27. Grabo R. Die ostpreußische Strassen im 18. und 19. Jahrhundert 1910.
28. Gusovius P. Der Landkreis Samland. Würzburg, 1966.

29. *Hartke W.* Zur Kulturgeographie der ländlichen Neusiedlung (Ostprien) / in Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde ; Berlin, 1933.
30. *Heynike H.* Die Entwicklung der ostpreußischen Städte. Eine wirtschaftshistorische Untersuchung. Königsberg, 1931.
31. *Historisch-geographischer* Atlas des Preußenlandes. Wiesbaden, 1982.
32. *Horn A.* Die Verwaltung Ostpreußens seit der Sekularisation. Königsberg, 1890.
33. *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa lietowskiego. Wilno, 1931.
34. *Mager F.* Der Wald in Ostpreußen als Wirtschaftsraum, 2 Bd. Köln und Graz, 1960.
35. *Mortensen H.* Siedlungsgeographie des Samlandes. Stuttgart, 1923.
36. *Mortensen H. und G.* Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Teil I u. II in: Deutschland und der Osten, Bd. 7. Leipzig, 1937/38.
37. *Neuschäffer H.* Das „Königsberger Gebiet“. Plön, 1991.
38. *Rousselle M.* Die Besiedlung des Kreises Preußisch-Eylau in der Ordenszeit, In: Altpreußische Forschungen, Königsberg, Bd. 8, Hamburg 1989. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe 1926 und 1927. S. 174—208.
39. *Rousselle M.* Das Siedlungswerk des Deutschen Orden im Lande Gerdauen // Altpreußische Forschungen 6. Königsberg, 1929. S. 220—255.
40. *Scheu E.* Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde. Königsberg, 1936.
41. *Statistisches* Handbuch für die Provinz Ostpreußen. Königsberg, 1938.
42. *Stein R.* Die Umwandlung der Agrarverfassung Ostpreußens durch die Reform des 19. Jahrhunderts, Bd. I, Jena 1918. Bd. 2. 1934.
43. *Templin K.* Unsere masurische Heimat. Sensburg, 1918.
44. *Wagner W.* Die Kultur in Ostpreußen, in 2 Bd. 2008.
45. *Zwanzig* Jahre deutscher Siedlungsarbeit in Ostpreußen (1906 bis 1926). Königsberg, 1927.
46. *Официальный сайт* Государственного казенного учреждения Калининградской области «Управление дорожного хозяйства Калининградской области». URL: <http://www.dor39.org/start/municipalnym-obrazovaniyam> (дата обращения: 22.07.2015).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО — грант на реализацию проекта «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)».

Об авторе

Андрей Викторович Левченков, кандидат географических наук, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

Для цитирования:

Левченков А. В. Изменения культурного ландшафта территории периферийных зон Калининградской области в XIX—XX веках // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 132—159. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8

CHANGES IN THE CULTURAL LANDSCAPE
OF THE KALININGRAD REGION'S PERIPHERY
IN THE 19th/20th CENTURIES

A .Levchenkov *

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on November 15, 2015

This article considers the development of cultural landscapes on the agricultural periphery of the Kaliningrad region. These territories are analysed in view of historical, geographical, social, economic, and political factors.

Owing to its history, the Kaliningrad region boasts a unique combination of cultural landscape elements. Thus, the genesis and development conditions of the region's cultural landscape are important aspects for the identification of its components — settlement pattern, settlement hierarchy, land use type, transport system, economic ties, etc. It is well known that the key role in the formation of a cultural landscape is played by the level of socioeconomic relations, which affects the landscape type and composition.

Historiography and the study of maps made it possible to identify certain stages of cultural landscape evolution, analyse the course of its historical development, and assess its transformations in different periods. The following types of transformations of cultural landscape elements were identified — settlement planning, changes in the number of settlements, settlement patterns, land use planning and management, amelioration, natural landscape preservation, industrial development, and the development of transport infrastructure.

Key words: cultural landscape, Kaliningrad region, periphery, agricultural landscapes.

References

1. Baranskii, N.N. 1980, *Izbrannye trudy. Stanovlenie sovetskoj jekonomicheskoj geografii* [Selected works. Formation of Soviet economic geography], Moscow.
2. Volynskaya, G.Ya., Fedorov, G.M. 1977, *Sistema rasselenija v pol'dernyh rajonah Kaliningradskoj oblasti* [Settlement system in the polder areas of the Kaliningrad region]. In: *Narodnoe hozjajstvo Kaliningradskoj oblasti problemy i puti razvitija* [The national economy of the Kaliningrad region and the development of problems], Kaliningrad, p. 86—93.
3. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 183, Op. 5, D. 133, L. 11, 13.
4. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 262, L. 23—34.
5. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 1, L. 178—180.
6. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 173, L. 30.
7. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 129, L. 87.

8. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 1, L. 199.
9. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 74, L. 17—36.
10. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 266, L. 67.
11. Orlyonok, V. V. (ed.), 2002, *Geograficheskij atlas Kaliningradskoj oblasti* [Geographical Atlas of the Kaliningrad region], Kaliningrad, 276 p.
12. Gusev, A. L., Maslov, V. N. 2006, *Istorija sel'skogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti* [The history of agriculture of the Kaliningrad region], Kaliningrad, 464 p.
13. Kalutskov, V. N. 1995, Problemy issledovanija kul'turnogo landshafta [Problems of research of the cultural landscape], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 5, p. 16—20.
14. Klimenko, N. A., Levchenkov, A. B. 2010, Territorial'naja organizacija Vostochnoj Prussii [Territorial organization of East Prussia], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 1, p. 119—125.
15. Kovalev, S. A. 1963, *Sel'skoe rasselenie* [Rural resettlement], Moscow, 372 p.
16. Kostyashov, Yu. V. 2009, *Baltika, Sekret'naja istorija Kaliningradskoj oblasti. Očerki 1945—1956 gg.* [Baltic, The Secret History of the Kaliningrad region. Essays 1945—1956], Kaliningrad, 352 p.
17. Levchenkov, A. V. 2013, Genezis i sovremennoe sostojanie territorial'noj organizacii sel'skogo rasselenija Kaliningradskoj oblasti [The genesis and the current state of the territorial organization of rural settlement of the Kaliningrad region]. In: Alekseev, A. I., Tkachenko, A. A. *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografija naselenija i social'naja geografija* [Questions of geography. Coll. 135: Geography of Population and Social Geography], Moscow, p. 302—322.
18. Levchenkov, A. V. 2006, Transformacija sistemy sel'skogo rasselenija byvshej Vostochnoj Prussii (Kaliningradskaja oblast') [Transformation of rural settlement system of the former East Prussia (Kaliningrad Region)], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 4, p. 77—86.
19. Livinskaya, O. A. 2012, Ponjatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoj geografii [The concept of cultural landscape in the national geography], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 14, p. 120—129.
20. Milkov, F. N. 1973, *Chelovek i landshafty: očerki antropogennogo landshaftovedenija* [Man and the landscape: Essays anthropogenic landscape science], Moscow, 224 p.
21. Saushkin, Yu. G. 1946, Kul'turnyj landshaft [Cultural landscape], *Voprosy geografii* [Geography Questions], no. 1, p. 97—106.
22. Yatsunsky, V. K. 1941, Predmet i zadachi istoricheskoy geografii [Subject and historical geography tasks], *Istorič-marksist* [Marxist historian], no. 5, p. 20—25.
23. Bachor, O. 1968, *Der Kreis Gerdauen*, Würzburg.
24. Barran, F. R. 1988, *Städte-Atlas Ostpreußen*, Leer, 223 S.
25. *Diercke-Wörterbuch Allgemeine Geographie*, 1997, Verlag Westermann.
26. *Eisenbahn Kurier Special*, 1999, no. 52, Ostpreußen.
27. Grabo, R. 1910, *Die ostpreußische Strassen im 18. und 19. Jahrhundert*, Königsberg, 124 S.
28. Gusovius, P. 1966, *Der Landkreis Samland*, Würzburg.
29. Hartke, W. 1933, Zur Kulturgeographie der ländlichen Neusiedlung (Ostpreußen), *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde*.
30. Heynike, H. 1931, *Die Entwicklung der ostpreußischen Städte. Eine wirtschaftshistorische Untersuchung*, Königsberg, 149 S.

31. *Historisch-geographischer Atlas des Preußenlandes*, 1982, Wiesbaden.
32. Horn, A. 1890, *Die Verwaltung Ostpreußens seit der Sekularisation*, Königsberg.
33. Łowmiański, H. 1931, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, Wilno.
34. Mager, F. 1960, *Der Wald in Ostpreußen als Wirtschaftsraum*, Köln und Graz.
35. Mortensen, H. 1923, *Siedlungsgeographie des Samlandes*, Stuttgart.
36. Mortensen, H. G. 1937/38, Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Teil I u. II. In: *Deutschland und der Osten*, Bd. 7, Leipzig.
37. Neuschäffer, H. 1991, *Das „Königsberger Gebiet“*, Plön.
38. Rousselle, M. Die Besiedlung des Kreises Preußisch-Eylau in der Ordenszeit, In: *Altpreußische Forschungen*, Königsberg, Bd. 8, Hamburg 1989. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe 1926 und 1927. S. 174—208.
39. Rousselle, M. 1929, Das Siedlungswerk des Deutschen Orden im Lande Gerdauen, *Altpreußische Forschungen*, no. 6, S. 220—255.
40. Scheu, E. 1936, *Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde*, Königsberg, 196 S.
41. *Statistisches Handbuch für die Provinz Ostpreußen*, 1938, Königsberg.
42. Stein, R. 1934, *Die Umwandlung der Agrarverfassung Ostpreußens durch die Reform des 19. Jahrhunderts*, Bd. I, Bd. II.
43. Templin, K. 1918, *Unsere masurische Heimat*, Sensburg.
44. Wagner, W. 2008, *Die Kultur in Ostpreußen*.
45. Zwanzig Jahre deutscher Siedlungsarbeit in Ostpreußen (1906 bis 1926), 1927, Königsberg.
46. *Oficial'nyj sajt Gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdenija Kaliningradskoj oblasti «Upravlenie dorozhnogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti»* [The official website of the State treasury offices of the Kaliningrad region "Managing the Kaliningrad region road economy"], available at: <http://www.dor39.org/start/municipalnym-obrazovaniem> (accessed 22.07.2015).

About the author

Dr Andrei Levchenkov, Associate Professor, Department of Urban Development, Land Management and Design, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: levchenkov5@gmail.com

To cite this article:

Levchenkov A. V. 2016, Changes in the cultural landscape of the Kaliningrad region's periphery in the 19th/20th centuries. *Baltiyskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 132—159. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8